

К нему Печорин последовательно вел все действие и, «исчерпав наслаждение», эстетическое и эротическое, бестрепетно завершил постановку двумя сценами: у колодца и в доме княжны. Апофеоз игры с Мери — жестокая насмешка над возбужденной в ней любовью, что она не смела и подумать («Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить... Это было бы так подло, так низко, так одно предположение... о, нет!», — с. 422), но что было необходимым торжеством либертена, в своем стремлении к наслаждению — не к обычному плотскому, а уже к над-эротическому — пренебрегающего моральным значением его поступков.

Йоханнес готовит «внешний разрыв с Корделией», успев за время помолвки «насладиться вдоволь ее девственной прелестью и миловидностью» — пока созерцательно-эротически; разрыв нужен для того, «чтобы доставить себе в будущем выские и прекраснейшие минуты наслаждения» (с. 139). Он тоже наносит девушке жестокий удар и, внезапно лишая ее «эротической пищи», ведет к тому, что «над любовью прозвучит какая-то скрытая насмешка» (с. 193). Планы Йоханнеса простираются дальше печоринских замыслов: он рассчитывает на то, что в оставленной на время Корделии возникнет более сильная, чем чувства невесты, эротическая инициатива, и «это обещает фазис интересного» (с. 214). Тогда она освободится от прежней себя, «перейдет границы обыденного» (с. 214), превратится в дружную, новую Корделию. Как Франваль создавал для своего наслаждения рожденную им Эжени, так либертен Йоханнес сотворял для себя как дочь Корделию, чтобы обновить и обострить свое эстетическое и эротическое сладострастие.

Таков датский комментарий к русскому роману.

Завершая свой сюжет, Йоханнес заявляет: «Я сам становлюсь мифом о самом себе» (с. 222) — но это осталось в пределах его самосознания и в пределах созданного Кьеркегором образа «эстетика и эротика». Печорин стал русским мифологическим «героем нашего времени», однако вышел за границы своей литературной идентичности и продолжил существование на социокультурной почве в виде «лишнего человека». Критики (и доверявшая им литература) подвергли печоринский тип санации, излечили от «болезни» либертинизма и превратили его в нравственно близкого русскому читателю «страдающего эгоиста».

© А. С. БОДРОВА

К ИСТОРИИ ПОСМЕРТНЫХ ИЗДАНИЙ ЛЕРМОНТОВА: СЛОВЕСНОСТЬ, КОММЕРЦИЯ И ИНСТИТУТ АВТОРСКОГО ПРАВА В НАЧАЛЕ 1840-х ГОДОВ*

Первые посмертные издания русских классиков XIX века не слишком часто привлекают к себе специальное внимание исследователей. Эти изда-

* Статья подготовлена при поддержке гранта для молодых российских ученых МК-5878.2014.6 «Литературная репутация М. Ю. Лермонтова: этапы становления (1840-е—1890-е гг.)». Пользуюсь случаем выразить признательность Н. Г. Охотину, А. Ю. Балакину, Л. А. Тимофеевой за полезные обсуждения материалов, представленных в работе.

ния редко бывают значимыми для установления дефинитивного текста и «авторской воли» и обычно малосодержательны в отношении комментария, а выяснение обстоятельств их подготовки, описание круга источников, положенных в их основу, установление текстологических принципов зачастую представляют собой труднорешаемую или практически неразрешимую проблему.

Не всегда значимые в «авторской перспективе», посмертные издания оказываются, однако, исключительно ценным материалом с точки зрения рецепционной истории литературы, фиксируя важную веху в формировании литературной репутации того или иного сочинителя, в становлении канона — как применительно к отбору текстов конкретного автора, так и к самой фигуре писателя/поэта вообще. Не менее существенным с историко-литературной точки зрения представляется и анализ издательских тактик вдохновителей и организаторов такого рода проектов, за которыми могут стоять самые причудливые комбинации собственно литературных, культурных и экономических стратегий.

С этой точки зрения показательной выглядит история первых посмертных книг М. Ю. Лермонтова,¹ изданных в 1842—1844 годах при живейшем участии А. А. Краевского, редактора «Отечественных записок» и короткого знакомого поэта. В отличие от прижизненных публикаций Лермонтова в журнале Краевского и отдельных изданий, тоже вышедших при его непосредственном содействии, работа над собранием 1842—1844 годов интересовала исследователей Лермонтова гораздо реже,² хотя в личном фонде поэта в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились документы, дающие развернутое представление о замысле посмертных изданий и обстоятельствах, сопровождавших их выход, — в том числе финансовых и цензурных. Обращение к истории подготовки посмертных книг Лермонтова — если описать ее как своего рода «издательский проект Краевского» — позволяет высветить целый ряд историко-литературных и литературно-социологических сюжетов, существенно уточняющих наши сведения как об устройстве литературно-издательской жизни начала 1840-х годов, так и о функционировании отдельных околотитературных институций.

1

Мысль о необходимости сохранения и публикации неизданных сочинений Лермонтова возникла у редактора «Отечественных записок» сразу, как он узнал о трагической дуэли. «Лермонтов убит на-повал. Горе! горе! Меня как громом ударила эта новость. Господа ради, не знаете ли, к кому обратиться, чтоб спасти оставшиеся после него рукописи», — писал Краевский В. Ф. Одоевскому 4 августа 1841 года.³ Более развернуто та же установка была сформулирована в одной из редакторских заметок: «на „Отечественных Записках“ некоторым образом лежит священная обязанность собрать все, что написано было Лермонтовым в течение его кратковременной жиз-

¹ Стихотворения М. Лермонтова. Ч. 1—4. СПб., 1842—1844; Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. 3-е изд. Ч. 1—2. СПб., 1843.

² Основную канву взаимоотношений поэта и издателя наметил в до сих пор не потерявшей значение статье В. А. Мануйлов: *Мануйлов В. А. Лермонтов и Краевский* // Лит. наследство. 1948. Т. 45/46: М. Ю. Лермонтов. Кн. II. С. 363—388; о хлопотах Краевского в связи с цензурованием различных публикаций поэта см. ценные архивные материалы, напечатанные Н. В. Здобновым: *Здобнов Н. Новые цензурные материалы о Лермонтове* // Красная новь. 1939. № 10—11. С. 259—269.

³ РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 643. Л. 35.

ни, — и к этому побуждает нас не только дружба, ⟨...⟩ не только уважение к его памяти, но и общая выгода русской литературы».⁴

Краевский предпринял активные поиски неизданных сочинений Лермонтова — и в этом преуспел. В 1841 — начале 1844 года «Отечественные записки» были практически монополистами по части лермонтовских публикаций. Хотя в год гибели поэта Краевский смог отыскать и напечатать только два стихотворения: «Парус» и «Желанье» («Отворите мне темницу...»),⁵ — но уже с самого первого номера 1842 года тексты Лермонтова в журнале шли плотной чередой: в 1-м номере за 1842 год были напечатаны «Сказка для детей», стихотворения «Сосна» и «На светские цепи...»,⁶ в следующих номерах появились «Соседка» (Т. 20. № 2. Отд. 1. С. 127—128), «Умиравший гладиатор» (Т. 21. № 4. Отд. 1. С. 378), «Два великана» (Т. 22. № 5. Отд. 1. С. 1—2), «Боярин Орша» (Т. 23. № 7. Отд. 1. С. 1—24), а также отрывки из «Демона» (Т. 22. № 6. Отд. 1. С. 187—201).⁷

При этом первый замысел Краевского выпустить стихотворения Лермонтова отдельной книгой относится еще к концу 1841 года. Как следует из реестра рукописей и книг Санкт-Петербургского цензурного комитета, 10 декабря 1841 года в цензуру были поданы «Стихотворения Лермонтова, новое издание», числом страниц 108, представленные «от г. Краевского».⁸ Уже на следующий день, 11 декабря, книгу одобрил к печати А. В. Никитенко,⁹ который симпатизировал и самому Лермонтову, и его поэзии,¹⁰ а также был связан давними приятельскими отношениями с Краевским, чей журнал начиная с 1841 года тоже входил в сферу цензурских обязанностей Никитенко.

И сами сроки подготовки издания, и его состав, о котором можно судить по сохранившемуся цензурному экземпляру,¹¹ свидетельствуют о явном коммерческом расчете — в сжатые сроки издать новую книгу, немудряще объединив «Стихотворения» 1840 года с немногими не вошедшими в последнее издание текстами. Прижизненный сборник был дополнен ранней поэмой «Хаджи Абрек»,¹² появившейся в 1835 году в «Библиотеке для чтения»,¹³ и, с другой стороны, стихотворениями, напечатанными в «Отечественных записках» 1839—1841 годов, которые либо не попали в издание 1840 года по недосмотру (как «Поэт»¹⁴), либо были опубликованы после его выхода (как «А. О. Смирновой», «К портрету», «Есть речи — значенье...»,

⁴ Отечественные записки. 1841. Т. 19. № 11. Отд. 6: Библиографическая хроника. С. 24—25.

⁵ См.: Там же. Т. 18. № 10. Отд. 3. С. 161; Там же. Т. 19. № 11. Отд. 3. С. 1—2.

⁶ Там же. 1842. Т. 20. № 1. Отд. 1. С. 116—126.

⁷ Об истории цензурирования «Демона» см. письма Краевского к А. В. Никитенко (*Здобнов Н. Новые цензурные материалы о Лермонтове*. С. 260—262), а также: *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. / Ред. текста и комм. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1935. Т. 3: Поэмы и повести в стихах. С. 633—634.

⁸ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 205. Л. 38 об.—39.

⁹ Там же.

¹⁰ См., например, рецензию Никитенко на «Стихотворения» 1840 года: Сын отечества. 1841. № 1. Отд. 1. С. 3—13.

¹¹ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. Цензурная рукопись этой части посмертного издания представляет собой расшитый экземпляр «Стихотворений М. Лермонтова» 1840 года, в который вложены — перед книжным блоком и после него — дополнительные листы, заполненные рукой писаря «Отечественных записок».

¹² Там же. Л. 4—10 об.

¹³ Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. № 8. Отд. 1. С. 81—94.

¹⁴ Показательно, что в статье Белинского о «Стихотворениях» 1840 года «Поэт» рассматривался наряду с другими текстами из сборника, а его отсутствие в книге никак не было оговорено (отмечено: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4: Статьи и рецензии 1840—1841. С. 656 (комм. Л. Н. Назаровой)).

«Завещание»¹⁵). Однако сразу после получения цензурного одобрения книга отпечатана не была — по всей видимости, в это время в распоряжение Краевского попал целый блок неизданных лермонтовских рукописей, дополнив те тексты, которые Лермонтов оставил ему перед отъездом на Кавказ,¹⁶ и он решил попридержать уже разрешенный сборник ради более масштабного проекта.

Летом или в начале осени 1842 года сложился замысел сводного собрания стихотворных текстов Лермонтова как трехчастного — первые две части должны были составить поэмы и лирика, третью — наконец пропущенный цензурой, хотя и не без изъятий, «Маскарад». Как следует из писем Краевского к Никитенко, хлопоты о драме начались еще в августе 1842 года,¹⁷ и именно ее цензурная судьба задерживала ход всего издания. О том, что набор второй части уже шел в это время, свидетельствуют слова Краевского из той же записки к Никитенко от 18 августа: «Вот (...) отрывки из лермонтовского „Демона“, в том самом виде, как они были напечатаны в 6-м № Отеч(ественных) записок нынешнего года. Сделайте одолжение, подпишите их поскорее и перешлите в типографию».¹⁸ Окончательное разрешение «Маскарад. Драма в 4-х действиях», представленный, как значится в цензурном реестре, тем же Краевским, получил 29 сентября 1842 года¹⁹ после обсуждения ряда спорных мест на заседании Петербургского комитета неделей раньше.²⁰

Тем не менее окончательно отпечатаны все три части издания были только к середине декабря: 16 декабря 1842 года датирована запись об одновременной выдаче цензурских билетов трем частям «Стихотворений Лермонтова с портретом Автора»,²¹ которые поступили в продажу в начале января следующего года.²²

Впоследствии удачные находки 1843 года — ряд списков последних стихотворений Лермонтова («Сон», «Тамара», «Утес», «Выхожу один я на дорогу...», «Они любили друг друга так долго и нежно...»), полученные Краев-

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. Л. 97—101 об.

¹⁶ Ср. глухое упоминание о «не огромном, но драгоценном» наследии, оставшемся после Лермонтова, в рецензии Белинского на 2-е издание «Героя нашего времени»: «Найдется пьес десятков первых его опытов, кроме большой его поэмы „Демон“; пьес пять новых, которые подарил он редактору „Отечественных записок“ перед отъездом своим на Кавказ (...) „Отечественные записки“ почтут священным долгом скоро поделиться ими с своими читателями» (цит. по: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 455), которое прямо связывается комментаторами со стихотворениями, появившимися в журнале Краевского осенью 1841 — в начале 1842 года: «Парус», «Желание», «Сосна», «На светские цепи...», «Соседка», «Договор», «Умиравший гладиатор», «Два великана» (Там же. С. 829 (комм. А. Н. Михайловой)). Однако нельзя исключать, что не все перечисленные тексты попали к Краевскому прямо от Лермонтова, в пользу чего косвенно свидетельствует структура так называемой 15-й тетради (ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15), послужившей непосредственным источником публикаций в «Отечественных записках»: эта «тетрадь» состоит из разнородных листов, заполненных разными почерками и явно в разное время.

¹⁷ См. записку Краевского от 18 августа 1842 года: «...издатели Лермонтова ужасно просят Вас о драме „Маскарад“. Порешите с ним поскорее, господа ради» (*Здобнов Н.* Новые цензурные материалы о Лермонтове. С. 262; оригинал: ИРЛИ. № 18566. Л. 114).

¹⁸ *Здобнов Н.* Новые цензурные материалы о Лермонтове. С. 262. См. также: *Мануйлов В. А.* Лермонтов и Краевский. С. 377.

¹⁹ См. дату цензурного разрешения, а также запись в реестре рукописей и печатных книг 1842 года: РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 206. Л. 29 об.—30. Тем же днем датируется цензурное разрешение 2-й части «Стихотворений М. Лермонтова».

²⁰ Относящийся к рассмотрению «Маскарада» фрагмент из журнала заседаний Санкт-Петербургского цензурного комитета опубликовал в 1939 году Н. В. Здобнов — см.: *Здобнов Н.* Новые цензурные материалы о Лермонтове. С. 262—264.

²¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 274. Л. 64.

²² Самое раннее газетное объявление датируется 13 января 1843 года: Русский инвалид. 1843. 13 янв. № 8. С. 32.

ским через В. П. Боткина,²³ а затем и подлинная тетрадь Одоевского, возвращенная дарителю 30 декабря 1843 года,²⁴ — смогли составить еще одну, четвертую часть свода лирики, которая прошла цензуру 1 марта 1844 года и к 21-му была отпечатана и получила цензурный билет.²⁵ В промежутке между выходом трех частей «Стихотворений» и последней, четвертой части собрания было осуществлено и новое, третье издание «Героя нашего времени», прошедшее цензуру еще в марте, но выпущенное в свет лишь в конце 1843 года — билет был выдан цензором П. А. Корсаковым 24 декабря.²⁶

Подготовка масштабного собрания лирики и нового издания романа была важным символическим жестом, еще одной ступенью в канонизации Лермонтова, а также дополнительным поводом для обсуждения наследия поэта.²⁷ Но помимо выгод символических, это предприятие, безусловно, сулило издателям материальный доход.

²³ Как следует из писем Боткина Краевскому, часть последних стихов Лермонтова, написанных в конце апреля — первой половине июля 1841 года и содержавшихся в записной книжке Одоевского (о ней см. далее), стала известна в Москве в конце февраля 1843 года в списках сослуживца Лермонтова полковника Челищева. 25 февраля 1843 года Боткин писал Краевскому: «Посылаю Вам несколько неизвестных стихотвор(ений) Лермонтова. Вот как дошли до меня эти стихотворения. Знакомый Грановского Головачев был в одном обществе. Зашел разговор о Лермонтове. Бывший тут полковник (Челищев. — А. Б.) начал говорить о нем с большим участием, как о человеке, с которым он провел несколько лет на Кавказе, и, говоря о его предчувствии смерти, прочел наизусть „Сон“. Головачев попросил его позволить ему списать это стихотворение. „Да у меня есть несколько его стихотворений: я их списал из тетради, которую мне давал сам Лермонтов“. Головачев на другой же день поехал к полковнику и между многими уже известными стихотворениями отыскал неизвестные, списал их и привез их прочесть Грановскому. Он дал их мне, а я спешу послать их Вам. Все они прекрасны, но мне особенно понравились: Дубовый листок, Морская царевна, Сон, „Нет, не тебя так пылко (я люблю)“ и „Выхожу один я на дорогу“. Погодин услышал об этих стих(отворениях) и подбирается к ним, да рукописи-то Головачева у меня. Уведомьте о получении. А какой стих, какой стих! Надобно сказать спасибо Грановскому, которому тотчас же пришла мысль отослать их к Вам, а не давать Погодину» (*Боткин В. П. Письма к А. А. Краевскому // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 г.* СПб., 1893. С. 60 (2-я паг.); *Мануйлов В. А. Лермонтов и Краевский.* С. 380—382).

²⁴ Так называемая «Записная книжка Одоевского» представляет собой толстую тетрадь в 8-ю долю листа (115×192 мм), в кожаном переплете-футляре. Согласно дарственной записи, эта тетрадь была подарена Лермонтову 13 апреля 1841 года: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. К(нязь) В. Одоевский, 1841. Апреля 13-е. С. П. Бург». Тетрадь заполнялась с обеих сторон — как от лицевой, так и от задней обложки: с лицевой стороны — это в основном чернильные беловики, в другой части — черновые карандашные наброски. В записной книжке Одоевского находятся черновые и беловые автографы всех последних лермонтовских шедевров 1841 года: «Спор», «Утес», «Сон», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и др. После смерти Лермонтова Записная книжка попала в распоряжение его родственника Е. Е. Хастатова, который затем вернул ее Одоевскому в самом конце 1843 года (ср. запись рукой Одоевского: «Сия книга покойного Лермонтова возвращена мне Екимом Екимовичем Хастатовым — 30-го декабря 1843-го года — К(нязь) В. Од(оевский)»). Краткое описание тетради см.: Сочинения Лермонтова. 3-е изд., вновь сверенное с рукоп., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1873. Т. 1. С. 375—376; *Михайлова А. Н. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание* / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1941. С. 40—46; *Арзамасцев В. П. «Звук высоких ощущений...»: Новое о Лермонтове.* Саратов; Пенза, 1984. С. 113—124.

²⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 276. Л. 16 об.

²⁶ Там же. № 275. Л. 63 об.

²⁷ См., например: [Б. п.]. Журнальная амальгама // Литературная газета. 1842. 15 нояб. № 45. С. 925; *Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова <...> Три части // Отечественные записки. 1843. № 1. Отд. 6. С. 1—2*; [Б. п.]. Стихотворения М. Лермонтова <...> Три части // Литературная газета. 1843. 28 февр. № 9. С. 176—178; *Розен Е. Ф. Стихотворения М. Лермонтова // Сын отечества. 1843. № 3. Отд. 6. С. 1—18*; *Сенковский О. И. Стихотворения М. Лермонтова <...> Три части // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56. № 2. Отд. 6. С. 39—46*; *Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова. Часть IV // Отечественные записки. 1844. № 11. Отд. 6. С. 1—4*; [Б. п.]. Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году. Ст. 1 // Литературная газета. 1844. 1 янв. № 1. С. 13—14; *Сенковский О. И. Стихотворения Лермонтова. Часть четв... // Библиотека для чтения. 1844. Т. 62. № 11. Отд. 6. С. 1—5*, а также см.: Литература о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Библиографический указатель. 1825—1916 / Сост. О. В. Миллер; под ред. Г. В. Бахаревой, В. Э. Вацура. Л., 1990. С. 15—24.

О значительном читательском и коммерческом успехе этого издательского проекта красноречиво свидетельствует «Записка о количестве напечатанных экземпляров сочинений Лермонтова», опубликованная В. А. Мануйловым:

Роман, Герой нашего времени	
1 раз напечатано	1 000
2 раз тоже	1 400
3 раз тоже	1 200
<u>Итого</u>	<u>3 600</u>
Из оных расход:	
Продано	2 088 по 5 руб. 60 коп. — 11 692 руб. 80 коп.
В цензуру в 3 раза	27
Г-ну Лермонтову безденежно	19
Для подарков г-ну Кирееву	31
В долгу пропало	
за московским книгопродавцем Ширяевым	100
То ж за Бородиным	25
То ж за Варгасовым	10
	<u>212</u>
В остатке	1 090
На комиссии у книгопродавцев	210
<u>Итого</u>	<u>3 600</u>
⟨...⟩	
Стихотворений в трех частях напечатано	3 000
В расходе	
Продано	1138 по 10 руб. — 11 380 руб.
В цензуру	9
Для подарков г-ну Кирееву	42
В остатке	1 631
В комиссии у книгопродавцев	180
	<u>1 862</u>
<u>Итого</u>	<u>3 000</u>
4-я часть стихотворений не продавалась,	
а все экземпляры имеются в наличии	3 000 ²⁸

Исходя из указания о том, что 4-я часть стихотворений уже отпечатана, но еще не поступала в продажу, «Записка...» должна быть датирована не ранее конца марта 1844 года, соседствующие с ней документы (о которых речь далее) позволяют отнести ее составление к концу апреля. В «Записке...» содержатся подробные сведения о числе разошедшихся экземпляров всех отдельных изданий сочинений Лермонтова и о весьма впечатляющей выручке от их продаж, однако эти данные очевидным образом неполны без учета издательских, типографских и комиссионерских затрат. При этом счета «о издержках на напечатание Сочинений Лермонтова» также сохранились в том же «Деле о сочинениях покойного поручика Лермонтова»,²⁹ где находится опубликованная Мануйловым «Записка...», однако они до сих пор не были

²⁸ См.: Мануйлов В. А. Лермонтов и Краевский. С. 384—385; оригинал: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 21.

²⁹ В документах дела сохранилось несколько вариантов счетов, незначительно отличающихся между собой; часть из них носит явно черновой, предварительный характер (ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 17—18, 19 об.—20); белой, наиболее подробный и аккуратно расписанный счет выполнен рукой писца «Отечественных записок» (Там же. Л. 15 об.—16), на этот вариант расчетов мы и будем опираться в дальнейшем изложении.

введены в научный оборот — что особенно удивительно, учитывая редкость и малую сохранность организационно-финансовых документов, относящихся к изданиям 1840-х годов.³⁰

Сопоставление «счетов об издержках» с данными о продажах лермонтовских сочинений позволяют «с расходом счесть приход» по состоянию на апрель 1844 года и оценить предпологающиеся и реальные выгоды от принятых изданий. Дополняя фактическую историю посмертного лермонтовского собрания, эти сведения представляют важный материал для изучения литературной экономики середины XIX века.

Для начала проясним организационную сторону изданий 1842—1844 годов. Формально ответственным за все лермонтовские книги, начиная с первого издания «Героя нашего времени», был петербургский знакомец поэта Александр Дмитриевич Киреев, родственник С. А. Раевского, в свое время писавший стихи и переводивший Тибуллу и Горация, а с 1832 года, по выходе в отставку, занявший привлекательную должность управляющего Петербургской театральной конторой.³¹ По своим театрально-типографским занятиям Киреев, распорядившись, в частности, подрядами на печатание афиш, был хорошо знаком с Ильей Ивановичем Глазуновым, владельцем известной типографии, и его зятем и компаньоном И. Н. Кушинниковым.³² В их типографии Киреев печатал все издания Лермонтова, имея дело главным образом с Кушинниковым.

Несмотря на свою формальную непричастность, ключевой фигурой в деле лермонтовских изданий, несомненно, был Краевский, который выступал в роли их редактора и составителя, ведал сношениями с цензурой (как следует из цитированных выше бумаг Петербургского цензурного комитета и писем Краевского к Никитенко) и обеспечивал своевременное появление рекламы и рецензий на страницах «Отечественных записок». О непосредственном участии Краевского в делах издания свидетельствуют, в частности, его исправления и пометы в цензурном экземпляре 1-й части «Стихотворений М. Лермонтова». Так, Краевским восстановлен 4-строчный пропуск в «Песне про... купца Калашникова»,³³ над писарской копией стихотворения «Поэт» сделано пояснение: «Для дополнения второго издания Стихотворений Лермонтова»;³⁴ вероятно, его же рукой переставлена нумерация отдельных стихотворений и вписана не пропущенная цензурой еще при публикации в «Отечественных записках» 1839 года строка «Думы» —

³⁰ Обширный (и до сих пор не вполне концептуализированный) материал в отношении издательской экономики содержит архив Опеки над детьми и имуществом Пушкина (Архив опеки Пушкина / Ред. и комм. П. С. Попова. М., 1939 (Летописи ГЛМ. Кн. 5)). Из недавних работ и публикаций на близкие темы см.: *Макеев М. С.* 1) Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009; 2) Конторские книги «Современника» 1860—1865 гг. // Некрасовский сборник. СПб. Вып. 15 (в печати); *Вдовин А. В.* Издательская экономика Ивана Гончарова (писатель и Морское министерство) // Новое литературное обозрение. 2013. № 124 (6). С. 111—129.

³¹ Краткие, но содержательные сведения о биографии и (около)литературной деятельности Киреева см.: *Пастернак Е. Е.* Киреев Александр Дмитриевич // Русские писатели, 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2: Г—К. С. 533.

³² Об обстоятельствах «перехвата» «содержания театральных афиш» А. Ф. Смирдиным и И. И. Глазуновым у А. А. Плюшара и о роли Кушинникова в этом деле см.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет, 1782—1882. СПб., 1882. С. 65—67; *Лисовский Н. М.* Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства. 1803—1903. СПб., 1903. С. 69—70.

³³ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. Л. 18 об. К с. 4 книжного блока приклеен небольшой листок, где чернилами рукой Краевского записаны 4 строки, по недосмотру выпавшие в издании 1840 года («Вот об землю царь стукнул палкою (...) Да не вздрогнул и тут молодой боец»).

³⁴ Там же. Л. 97.

«Перед опасностью позорно малодушны».³⁵ Кроме того, все стихотворения, вошедшие в посмертное издание, впервые были опубликованы в «Отечественных записках» и, несомненно, перепечатывались с согласия и по желанию Краевского, как и краткие издательские пояснения и заметки, перенесенные в «Стихотворения М. Лермонтова» со страниц журнала.³⁶ Можно предполагать, что Краевский занимался этим не вполне бескорыстно, но, к сожалению, финансовая сторона его отношений с Киреевым остается недокументированной.

Наиболее простой в техническом смысле и наименее затратной была подготовка 3-го издания «Героя нашего времени», воспроизводившего последнее прижизненное издание романа, снабженное авторским предисловием.³⁷

Второе издание было поручено Кирееву еще самим Лермонтовым, получившим от него 6 марта 1841 года, согласно расписке, 1500 рублей ассигнациями.³⁸ Как видно из числа распроданных экземпляров, роман довольно бойко расходился, и Киреев решил предпринять переиздание, которое при идеальном раскладе могло принести ему 4400 ассигнационных рублей чистой прибыли. Затраты на печать, даже с учетом 10-процентной комиссии Кушинникову (максимум 672 руб.), были почти в два раза меньше предполагаемого дохода:

Издание «Героя нашего времени»

Выручить за 1200 экз. по 5 руб. 60 коп	6720
За печать 18 ½ листов по 30 рублей	555
За корректуру	70
За обертку	24
Бумаги веленовой 47 ½ стоп по 13 р. 50 коп.	641.25
оберточной 12 дестей по 35 р. стопа	21
За переплет 2400 книжек по 5 к.	120
За кладовую по 70 рублей за 3 года	210
За комиссию Кушинникову по 10 %	672
	2313 руб. 25 коп.
Баланс	4406.75
Сумма	6720 ³⁹

³⁵ Там же. Л. 42 об.

³⁶ См.: От издателей // Стихотворения М. Лермонтова. СПб., 1842. Ч. 1. С. I—III; [Краевский А. А.] [Примечание к стихотворениям «Пророк» и «Свидание»] // Отечественные записки 1844. Т. 32. № 1. Отд. 1. С. 200—201 (подпись: *Ред.*; ср.: Стихотворения М. Лермонтова. СПб., 1844. Ч. 4. С. 189—192).

³⁷ Дополним историю подготовки 2-го издания сведениями из реестров Петербургского цензурного комитета. 30 марта 1841 года, то есть когда Лермонтов еще находился в Петербурге, Краевский подал в цензуру «Предисловие к книге „Герой нашего времени“ для второго издания», числом страниц 4, которое было одобрено цензором Корсаковым 31 марта и 2 апреля возвращено Краевскому (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 205. Л. 10 об.—11). Сам текст романа был представлен Краевским на рассмотрение цензурного комитета 2 мая 1841 года, причем, судя по числу страниц («часть первая — 173 (стр.); часть вторая — 250 (стр.)»), подавалась не рукопись, а экземпляр 1-го издания. 6 мая книга, одобренная еще в день подачи, была возвращена Кирееву (Там же. Л. 15 об.—16).

³⁸ «Я нижеподписавшийся продал господину Александру Дмитриевичу Кирееву право на второе издание Героя нашего времени в числе тысячи двух сот экземпляров и обязуюсь не продавать вновь издания сей книги до тех пор пока означенное издание не будет распродано. Деньги 1500 р. ассигнациями получил. — М. Лермонтов. — 6 марта 1841 года» (опубл.: *Мануилов В. А.* Лермонтов и Краевский. С. 372 (там же см. факсимиле расписки поэта); оригинал: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 11; на Л. 12 — копия с доверенности писарским почерком).

³⁹ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 15 об.—16. Соответственно без комиссии Кушинникову расходы составляли 1641 руб. 25 коп.

Отпускная цена книги, заложенная в смете, составляла 5 руб. 60 коп. ассигнациями; продавалась же она, как следует из газетных объявлений, по 2 рубля серебром, что, исходя из установленного в 1839 году курса (1 рубль серебром = 3,5 рубля ассигнациями), давало 7 рублей ассигнациями. Таким образом, на долю книгопродавца приходилась 20-процентная надбавка — 1,4 рубля с каждого проданного экземпляра.

По расчетам, представленным Кушинниковым, выгода от продажи всего тиража в 1200 экземпляров могла составить $6720 - 2313,25 = 4406$ руб. 75 коп. ассигнациями. Впрочем, эта сумма была, конечно, недостижима — так как в расчетах не учитывались экземпляры, подаваемые в цензуру (9 штук на сумму 50,4 р.), какое-то число экземпляров на подарки, экземпляры, не реализованные обанкротившимися книгопродавцами, и т. д. Но, так или иначе, на сумму в 3000—3500 руб. вполне можно было рассчитывать.

Куда большие доходы, по первоначальному расчету, сулили четырехчастные «Стихотворения М. Лермонтова». Как видно из типографских счетов, которые сохранились в нескольких вариантах, издатели колебались в определении общей цены, собираясь продавать 4-томное издание то по 12, то по 12,5 руб., что для всего тиража давало значительные суммы в 36 000 и 37 500 руб. соответственно.⁴⁰ Судя по чистовому, парадным почерком переписанному счету, окончательная отпускная цена составила 12 руб. за четыре книжки. Их напечатание, однако, требовало довольно значительных расходов, в которые Киреев включил и несобственно издательские траты — часть гонорара Лермонтову за «Стихотворения» 1840 года (сведений о котором до сих пор не имелось), по-видимому выплаченная Кушинниковым, и сумма в 1500 руб., за которую Киреев приобрел у С. А. Раевского рукопись «Маскарада»:⁴¹

Выручить за 3000 экз. по 12 рублей	36000
Из числа заплаченных Г-ну Лермонтову за 1-е издание 2000 рублей — половина	1000
За Драмму помещенную в 3 части	1500
Разходов	200
За копию Валерика израсходовано	46.50
За 1 экз. «Отечеств. записок» для набора	45
За печатание 35 ½ листов по 45 рублей	1597.50
За корректуру по 3 рубли	106.50
За напечатание обертки 12 тыс.	120
Бумаги 226 стоп 8 дестей по 13 руб. 50 коп.	3056.40
Лучшей 2 стопы по 70 рублей	140
Обертки 5 стоп по 35 рублей	175
За переплет 12 тыс. книг по 5 коп.	600
За кладовую по 200 рублей за 5 лет	1000
За комиссию Кушинникову по 10 %	3600

13886 руб. 90 коп.

Примеч.: Не полагая экземпляров в Цензуру, в подарки, объявлений и прочих расходов, тоже пропажи в долгах и уменьшения цены.

Баланс	22113.10
Сумма	36000 ⁴²

⁴⁰ Отпускная цена 12 руб. 50 коп. фигурирует в черновом варианте счета (ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 19 об.—20).

⁴¹ Имя Раевского названо в черновом варианте счета: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 19 об.—20.

⁴² ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 15 об.—16. Без комиссии Кушинникову сумма чистых расходов составляла 10 286 руб. 90 коп.

Идеальный расчет (при продаже всех экземпляров) сулил бы издателям 22 113 руб. 10 коп. чистой выгоды (т. е. 160-процентную прибыль); неизбежные цензурные и подарочные экземпляры, газетные объявления, неблагонадежные книгопродавцы должны были уменьшить ее тысячи на две-три (9 цензурных экземпляров — 108 руб.; 40 подарочных — 480 руб., 100 пропавших у какого-нибудь разорившегося книгопродавца — 1200 руб.). Но даже с этими поправками речь шла об очень внушительной сумме в доходной части.

О том, насколько эти предварительные расчеты совпали с реальными продажами, позволяет отчасти судить уже упоминавшаяся «Записка о количестве напечатанных экземпляров сочинений Лермонтова». Из нее следует, что чуть более чем за год было продано 1138 экземпляров по 10 руб. на общую сумму 11 380 руб. — т. е., если не считать 10-процентной комиссии Кушинникова (1138 руб.), издание за год практически окупилось (сумма издательских расходов составила 10 286 руб. 90 коп., а доход Киреева за вычетом «десятины» Кушинникова $11\,380 - 1138 = 10\,242$ руб.). При этом еще не было продано ни одного экземпляра 4-й части, цена которой составляла рубль серебром (т. е. 2 руб. 80 коп. ассигнациями отпускной цены) и появление которой, сопровождаемое живым журнальным обсуждением, должно было привлечь покупателей к собранию в целом.

Оценить прибыль, полученную от издания «Героя нашего времени», несколько сложнее — дело в том, что в «Записке...» учтены общие продажи всех трех изданий романа. В течение 1840—1843 годов он разошелся в числе 2088 экземпляров, принеся доход в размере 11 692 руб. 80 коп.

При отсутствии документальных источников затруднительно в точности определить затраты на все издания «Героя...», но исходя из стоимости печатания посмертного, можно примерно рассчитать затраты на две прижизненные книги. Их совокупный тираж (1000 + 1400 экземпляров) в два раза превышал число экземпляров посмертного издания — соответственно, расходы на печать должны были составить $1641,25 \text{ руб.} \times 2 = 3282 \text{ руб.}$ 50 коп. Плюс к этому необходимо прибавить 1500 руб., полученные Лермонтовым от Киреева за 2-е издание романа, и, вероятно, сумму такого же порядка за 1-е издание, а также учесть 10-процентную комиссию Кушинникова с проданных экземпляров (1169 руб. 28 коп.). Все это в совокупности дает $1641,25 \times 3 + 3000 + 1169,28 = 9093 \text{ руб.}$ 03 коп. в расходной части и, соответственно, почти 2600 руб. чистой прибыли — при нераспроданных 1300 экземплярах (которые в потенциале должны были принести еще 7280 руб. дохода).

Таким образом, уже к началу 1844 года посмертные издания Лермонтова стали приносить не очень значительную, но все же вполне ощутимую прибыль, на умножение которой по мере распродажи тиража в ближайшие пару лет Киреев и Краевский могли с большой уверенностью рассчитывать. Об общей успешности этого проекта косвенно свидетельствуют язвительные выпады журнальных конкурентов «Отечественных записок», обвинявших издателей Лермонтова в спекуляции его литературным наследием:

«По какому же праву, едва закрыл он глаза, спекуляция тотчас исторгает из забвения все эти <...> пробы юного пера, перемешивает их с хорошими и признанными сочинениями, составляет из этого безвкусную кашу и издает ее <...> как говорится в высокомо книгопродавческом слоге, в трех частях <...> Новое издание! Три части вместо двух-с! Портретец автора-с! Пойдет!... Вот вся история»;⁴³

⁴³ [Сенковский О. И. (?)] [Рец.] Стихотворения М. Лермонтова <...> Три части <...> с портретом автора // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56. № 2. Февраль. Отд. 6. С. 40.

«...промышленники-книгопродавцы, вслед за промышленниками-журналистами, издадут три тома стихотворений Лермонтова и в числе их помещают все школьные тетради покойного, все те поэмы и драмы, от которых он со стыдом отрекся бы, если бы был жив, — и все это делается <...> из одних корыстных и низких целей, чтобы только именем Лермонтова привлечь невежественных подписчиков и читателей!»⁴⁴

«А теперь вот — часть четвертая! Через год, может быть, явится пятая. Старые девы — подогретые кушанья — посмертные сочинения — угасшие надежды — все это стоит басовых рулад, которые слышал я вчера. Кто-то купил право на издание сочинений покойного Лермонтова: две первые части настоящих сочинений, трудов изящных, обработанных, признанных самим автором, пошли хорошо: так вот он и принялся собирать из всех альбомов, ящичков и выброшенных на чердаки портфелей отрывки, песенки, мадригалы, шуточки, сочинения необработанные, неоконченные, непризнанные, — тискает себе каждый год по томику этих браков, — спускает их вам, о! иногородные, — и... наслаждается!»⁴⁵

Однако журнальные нападки на издание, на которые с удовольствием и пафосом регулярно отвечал от имени редакции Белинский, едва ли могли повредить предприятию Киреева и Краевского: напротив, они создавали изданию настойчивую рекламу.

Удар по коммерческому плану издателей пришелся совершенно с другой стороны — и, судя по всему, весьма для них неожиданно. Не успели они в полной мере оценить возвращенную Одоевскому записную книжку с последними стихотворениями Лермонтова, — как примерно в то же самое время в губернском городе Туле, говоря словами Гоголя, «происходило событие, которое готовилось обеспечить неприятность положения наших героев».⁴⁶

2

9 февраля 1844 года «Елена Петрова дочь, урожденная Лермонтова, жена коллежского assessора Виолева», приходившаяся «покойному Тенгинского полка поручику Михайлу Юрьевичу Лермонтову родной по отце тет-

⁴⁴ Шевырев С. П. [Рец.]. Полная русская Хрестоматия <...> Составил А. Галахов. Окончание // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 6. С. 504—505.

⁴⁵ [Сенковский О. И.]. Стихотворения Лермонтова. Часть четв.... // Библиотека для чтения. 1844. Т. 67. № 10. Отд. 6: Литературная летопись. Октябрь 1844. Новые книги. С. 3—4.

⁴⁶ Документы, связанные с последующим развитием сюжета вокруг посмертных изданий Лермонтова, хотя никогда полностью не публиковались и специально не комментировались, несколько раз попадали в поле зрения исследователей. Прежде всего следует назвать пионерские работы Н. В. Здобнова, введшего в научный оборот ряд «лермонтовских» дел цензурного ведомства (см.: Здобнов Н. Новые цензурные материалы о Лермонтове. С. 259—269). В его заметке 1938 года «Литературное наследие Лермонтова и его наследники» (Литературная газета. 1938. 5 сент. № 49 (756). С. 6) были приведены выдержки из прошения Алявдина министру Уварову и вкратце изложена история о неудавшейся попытке ограждения наследственных прав тетушек Лермонтова (подробнее об этом см. ниже). Из публикации Здобнова этот сюжет сумел попасть даже в лирико-биографическое сочинение о Лермонтове В. Садовского под заглавием «Колокол на башне» (Нева. 1964. № 10. С. 35—36). В недавнее время к материалам, связанным с тяжбой вокруг посмертных изданий, одновременно с нами обратилась Л. А. Тимофеева, в содержательной статье которой восстановлена история передачи прав на сочинения Лермонтова книжной фирме Глазуновых и сжато изложена основная канва разбирательств 1844 года с участием тетушек Лермонтова и представлявшего их интересы Алявдина — см.: Тимофеева Л. А. Глазунов, Никитенко и наследственное право на издание сочинений Лермонтова // Лермонтов и история: Сборник научных статей. Новгород; Тверь, 2014. С. 267—276.

кой», представила в Тульскую палату гражданского суда на имя надворного советника Григория Васильевича Алявдина верящее письмо следующего содержания:

Милостивый государь Григорий Васильевич!

Из прилагаемого при сем свидетельства г. Ефремовского уездного предводителя дворянства, генерал-майора Ильина Вы усмотрите, что я и сестры мои, из дворян девицы Александра и Наталья Петровны Лермонтовы, состоим покойному Тенгинского пехотного полка поручику Михайлу Юрьевичу Лермонтову родными по отце тетками; между тем, в С. П. Бурге издано пять книг его сочинений, на которые по закону имею я с означенными сестрами моими исключительное право. Посему я покорнейше прошу Вас, милостивый государь! принять на себя труд: дозвать прямо от издателей сочинений покойного Лермонтова о надлежащих доказательствах, на основании которых они издадут оные, и куда именно обращают вырученные продажей деньги, и, если они, имея законный письменный акт от него на право издания некоторых произведений, изъявят желание расчесться миролюбивым образом с нами, то предоставляю Вам войти с ними в соглашения на известных Вам кондициях о мерах вознаграждения меня с сестрами моими при соблюдении прав наших на законные выгоды. В случае же открытия вами самовольного издания всех или даже некоторых произведений Лермантова (так!), предоставляю Вам обратиться в надлежащее присутственное место или к лицам, власть имеющим, с ходатайством о защите законных прав моих с сестрами на исключительное позволение как изданными, так и издающимися сочинениями племянника моего, упомянутого Лермантова и о взыскании с издателей вырученных продажей книг денег на удовлетворение меня с сестрами моими. Посему Вы можете подавать куда и какие надобность укажет бумаги за подписанием вашим, и вообще во всяком случае уполномочиваю Вас действовать по сему предмету неограниченно, точно так, как бы я сама лично то на законных основаниях исполнила: во всем я Вам или кому заблагорассудите передать сие право совершенно верю, и что Вы или уполномоченное Вами лицо по сему верящему письму сделаете, впредь спорить и прекословить не буду, — имея честь быть /подписано на подлинном/ «покорною к услугам Вашим, Елена Петрова дочь, урожденная Лермантова, жена коллежского assessора Виолева».

8 февраля 1844

Тула

Сие верящее письмо принадлежит г. надворному советнику Алявдину.

по 2 книге № 28:

1844 года февраля 9 дня сию доверенность в Тульскую палату гражд(анского) суда жена коллежского assessора Елена Петрова дочь Виолева, урожденная Лермонтова, к явке представя, сказкою подтвердила, что она точно от ней писана к надворному советнику Григорью Васильеву сыну Алявдину и в окончании оной подписано действительно ее рукою; в чем Палата сия по силе Свода законов гражд(анских), X тома (изд(ания) 1842): 1.998 ст(атье), свидетельствует.

(подписал: Заседатель Лисицын

скрепили: Исправляющий должность секретаря
регистратор Лазарев)⁴⁷

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 7—8 об.

Получив доверенность от Виоловой,⁴⁸ Алявдин решительно принялся за дело и отправился в Петербург, чтобы выяснить обстоятельства выпуска изданий, поправших наследственные права его доверительниц.

Согласно законному порядку наследования благоприобретенного имущества, к которому относились и литературные сочинения, притязания Виоловой и ее сестер были неоспоримы: в случае отсутствия наследников по нисходящей линии (а у Лермонтова, как известно, не было ни детей, ни родных братьев и сестер) все имущество отходило к ближайшим родственникам по восходящим линиям — в случае с Лермонтовым таковыми были именно тетки, сестры его отца, родственницы по «второй боковой линии»,⁴⁹ а не бабушка, которая (как и родители, если были бы живы), не могла наследовать приобретенное внуком имущество, но, в случае отсутствия других родственников, лишь получила бы право пожизненного пользования им.⁵⁰

В первую очередь запрос был направлен непосредственным издателям, имя которых стояло на титуле всех посмертных книг, — к купцам Глазунову и Кушинникову. Объяснений Кушинникова в деле не сохранилось, но, как следует из дальнейших документов, он показал, что «издатель сочинений Лермонтова есть [Киреев]» и что по поручению последнего, «не основанному ни на каком акте, производит одну только продажу книг».

23 апреля 1844 года последовало официальное письмо по месту службы Киреева — т. е. в контору Санкт-Петербургских императорских театров, на-

⁴⁸ Уже летом 1844 года сходная доверенность была получена и от других тетюшек-соне-следниц: «Милостивый государь, Григорий Васильевич! — Сестра наша, бывшая коллежская ассессорша, а ныне надворная советница Елена Петровна Виолова, урожденная Лермонтова, снабдив Вас выданным ей от г. Ефремовского уездного предводителя дворянства, генерал-майора Ильина свидетельством о состоянии нашем с покойным Михайлом Юрьевичем Лермонтовым в ближайшем родстве, и именно родными по отце тетками, — уполномочила Вас доверенностью на ходатайство о защите законных прав наших на исключительную принадлежность нам с нею издаваемых сочинений покойного нашего племянника Лермонтова. Надеюсь на доброе Ваше к нам расположение, мы усерднейше просим вас, милостивый государь! принять на себя ходатайство по означенному предмету и за нас на тех же самых основаниях, которые изложены в доверенности, данной Вам упомянутую сестрою нашею. Предоставляем Вам полное право: по дознании незаконности издания сочинений покойного Лермонтова открыть где следует им с издателями оных или изъять согласие на мировую с нами сделку с сохранением известных Вам законных выгод наших в денежном вознаграждении нас с сестрою за самовольное издание, и в первом случае подавать куда и какие надобность укажет бумаги за подписанием Вашим, и в последнем составленном полюбовный Акт утвердить подписью Вашею и совершить его где следует на законном основании, уполномочивая Вас действовать по сему предмету неограниченно по собственному вашему усмотрению точно так, как бы мы сами лично все то на законном основании исполнять могли, — мы во всем Вам или кому Вы заблагорассудите передать это уполномочие безусловно верим, и что Вы, или поверенный Ваш по сему верующему письму сделаете, — впредь спорить и прекословить не будем, — покорные к услугам Вашим: подписали: „Александра Петрова дочь, Лермонтова, из дворян девица; — Наталья Петрова дочь Лермонтова, из дворян девица“ — Июля 1844. — Сие верующее письмо принадлежит г. надворному советнику Алявдину. — 1844 года июля 20 дня, Тульской губернии Ефремовский уездный суд, на основании 1.998-й ст(атьи) X т(ома) изд(ания) 1842 свидетельствует, что сие верующее письмо подлинно подписано руками из дворян девиц, Александры и Натальи Петровыми дочерьми Лермонтовыми и дано надворному советнику Григорью Васильеву сыну Алявдину. — Подписал: „Заседатель Быков“, (скрепили:) „Секретарь Рябцов“, „Писец 2. разряда (Перчинский?)“ — у подлинной надписи оного суда печать» (Там же. Л. 9—10 об.).

⁴⁹ «Ближайшее право к наследству в боковых линиях имеют: братья и их нисходящие (<...> когда же и сих нет, то наследуют родные дяди и тетки, с их нисходящими...» (Цит. по: Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. С. 221. § 1137).

⁵⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 38 (1822—1823). С. 1039—1040. № 29511.

правленное приставом следственных дел 4-й Адмиралтейской части, куда за дознанием обратился Алявдин:

С.-Петербургской
городской полиции
Пристава
следственных дел
4-й Адмиралтейской части
23 Апреля 1844 года
№ 1570

В контору С. Петербургских императорских театров

Препровождая при сем составленные мною вопросные пункты по делу о издаваемых сочинениях умершего поручика Лермонтова, — покорнейше прошу Контору театров, по содержанию оных, отобрать надлежащие ответы от господина коллежского советника Киреева и потом доставить оные ко мне вместе с документами, буде таковые окажутся у г. Киреева.

Пристав Елатомский (?)

Вопросные пункты

1844 года Апреля «__» дня предложены Следственным приставом 4-й Адмиралтейской части господину коллежскому советнику и кавалеру Кирееву для обысканий по делу о издаваемых сочинениях умершего поручика Лермонтова.

Вопросы

По просьбе, поданной к господину С. Петербургскому обер-полицеймейстеру доверителем наследников умершего поручика Тенгинского пехотного полка Михайла Юрьева Лермонтова, г. надворным советником Алявдиным, о выпуске и продаже С. Петербургским купцом Кушинниковым и Глазуновым на весьма значительную сумму без законного на то права, — Его Превосходительство изволил поручить мне удостовериться об этом формальным порядком, — посему прошу Ваше Высокоблагородие объяснить мне:

1) Справедливо ли, как купец Кушинников объяснил в ответах своих, что издатель сочинений Лермонтова есть Вы и что он по поручению Вашему, не основанному ни на каком акте, производит одну только продажу книг.

2) Если показание Кушинникова справедливо, то все ли сполна имеются у Вас сочинения Лермонтова, заключающиеся в разных стихотворениях и исторических романах, из коих один под заглавием «Герой нашего времени», — сколько именно экземпляров по настоящее время выпущено и продано Вами, в какие места и каким лицам, когда, на какую сумму и за какую цену каждый экземпляр предположен Вами к продаже; и имеете ли на то законное право или формальный документ, законно где следует совершенный, если имеете, то прошу Вас доставить его ко мне для приобщения к делу вместе с сими ответами, в противном случае объяснить: чем именно Вы руководствовались в выпуске и продаже сочинений г. Лермонтова; было ли на это разрешение местного начальства и на каком основании таковое последовало.

3) Одни ли Вы или еще кто другой участвует с Вами в выпуске тех экземпляров; сколько по сие время таковых выпущено и сколько затем остается

ся налицо — означив при этом случае сумму, полученную Вами за все издания Лермонтова по долгу чистой совести?

Следственный пристав (Елатомский?)⁵¹

Разъяснений Киреева среди известных нам бумаг нет, но нельзя сомневаться, что все счета на издания, которые были рассмотрены выше, а также приложенная к ним расписка Лермонтова о продаже Кирееву прав на 2-е издание «Героя нашего времени» были разысканы и собраны в качестве объяснительных документов по этому неприятному для издателя делу.

Строго говоря, Киреев имел подтвержденное лермонтовской распиской право на печатание только 2-го издания «Героя нашего времени» (см. выше). 3-е издание романа, как и четыре части «Стихотворений М. Лермонтова», он печатал на собственный страх и риск, потому что по закону «О правах сочинителей, переводчиков и издателей»,⁵² положения которого были первоначально сформулированы в рамках Цензурного устава 1828 года,⁵³ авторское право в течение 25 лет принадлежало наследникам, если не было продано и передано другому лицу, а также могло быть фактически продлено еще на десять лет, если «сочинитель, переводчик или приобретающий права их по наследству или по условию сделает новое издание книги, за пять лет до истечения срока исключительному его праву».⁵⁴ Нельзя сомневаться, что об этом помнил и Краевский (хорошо знавший обстоятельства дел посмертного издания сочинений Пушкина), и Глазунов, который, например, представлял в цензурный комитет договор с наследницей А. А. Бестужева-Марлинского для получения разрешения на переиздание его сочинений.⁵⁵ Проявленные в этом случае неосторожность и самоуверенное легкомыслие Киреева и Краевского, вероятно, можно объяснить тем обстоятельством, что, по всей видимости, петербургские светские знакомые Лермонтова просто могли и не знать до этого момента или прочно забыть о существовании тульских тетушек, с которыми Лермонтов разве что переписывался.

⁵¹ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 22—25.

⁵² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5 (1830). Ч. 1. С. 17—21. № 3411.

⁵³ Там же. Т. 3 (1828). С. 475—476. № 1979. § 135—139.

⁵⁴ Там же. Т. 5 (1830). Ч. 1. С. 17. № 3411. § 2—3.

⁵⁵ См.: «В заседании комитета 2-го апреля 1840 года слушали: словесное донесение г. цензора экстр(аординарного) профессора Никитенки о том, что книгопродавец Илья Глазунов представил к нему для одобрения к напечатанию вторым изданием 9-ю, 10-ю, 11-ю и 12-ю части полного собрания сочинений Александра Марлинского, и вместе с тем доставил к нему заведительствованное маклером условие, заключенное им с наследницею покойного Бестужева, сестрою его Еленою Бестужевою, по которому она предоставляет ему, Глазунову, право напечатать сии книги новым изданием в числе 1500 экземпляров» (РГИА. Ф.—777. Оп. 1. № 1534. Л. 8; курсив мой. — А. Б.). Копия с означенного условия также была представлена Никитенко и сохранилась в деле цензурного комитета: «1840-го года марта дня 11 мы, нижеподписавшиеся, — дочь статского советника Елена Александровна Бестужева и почетный гражданин Илья Иванов Глазунов, заключили сие условие в том, что я, Бестужева, имея право на наследство после покойного брата моего Александра Марлинского и от других наследников согласие, предоставила ему, Глазунову, напечатать вторым изданием, с издания, напечатанного в 1838 и 1839 годах полного собрания сочинений Александра Марлинского, части девятую, десятую, одиннадцатую и двенадцатую, числом тысячу пятьсот экземпляров, которое и может он, Глазунов, напечатать своим иждивением и продавать как заблагорассудит в свою пользу, и мне, Бестужевой, и другим наследникам Марлинского, никому до сего дела нет, и всех оных частей не печатать и дозволения никому на сие не давать в течение двух лет считая от печатания и выхода в свет издания Глазунова, дабы в это время он успел сбыть свои экземпляры, за право сие обязуется Глазунов заплатить мне, Бестужевой, две тысячи рублей серебром в следующие два срока: в первый через год от вышеписанного числа тысячу рублей серебром и во второй, через два, остальные тысячу рублей серебром, в чем и подписуемся...» (Там же. Л. 7).

сывался;⁵⁶ бабушка же Лермонтова, хорошо им знакомая,⁵⁷ очевидно, никогда бы не стала высказывать притязаний на доходы с изданий, а прямых наследственных прав на них по закону не имела.

Тульские тетушки, владелицы маленького и недоходного Кропотова, напротив, очень нуждались в деньгах — особенно учитывая, что, во-первых, имение было заложено, а во-вторых, что в 1837 году тетка Лермонтова Виолева выкупила его долю в отцовском имении за 25 тысяч рублей ассигнациями с рассрочкой на 5 лет и за это время успела выплатить ему значительную сумму.⁵⁸ Смерть поэта обесмысливала эти траты, ведь после его гибели тетки и так бы унаследовали принадлежавшую ему часть имения. Теперь же взыскание причитающихся наследственно-авторских выплат могло хоть отчасти улучшить финансовое положение владелиц Кропотова.

Их расчет на получение денег с издателей сочинений покойного племянника оправдался с лихвой. 29 июня 1844 года между доверенным лицом тетки Лермонтова Алявдиным и незадачливым издателем Киреевым было заключено полюбовное соглашение:

1844 года июня 29 дня я, ниже подписавшийся надворный советник Григорий Васильев сын Алявдин, по доверенности одной из наследниц покойного поручика Михайлы Юрьевича Лермантова, коллежской ассессорши, ныне надворной советницы Елены Петровны Виоловой, урожденной Лермантовой, — заключил сие условие с коллежским советником Александром Дмитриевичем Киреевым в нижеследующем:

1. Киреев при жизни Лермантова напечатал Стихотворения в одной книжке 1000 экземпляров и роман «Героя нашего времени» два издания 2400 экземпляров; за напечатанные же по смерти Лермонтова им, Киреевым, сочинения покойного Лермантова под наименованием Стихотворений в 4-х частях 3000 экземпляров и романа «Герой нашего времени» в 2-х частях 1200 экземпляров и, сверх того, если еще откроются стихотворения и прозы в манускриптах, то и оные в равном количестве экземпляров Стихотворений, — я, Алявдин, предоставляю право Кирееву напечатать 5-ю часть, но не более как 9-ть печатных листов;

2. за право напечатания вышеписанного количества экземпляров сочинений покойного Лермантова получить мне, Алявдину, от него, Киреева, в пользу наследниц денег *4.285 руб. 70 коп. сереб(ром)*, в число которых при подписании сего в задаток получить 850 руб. *сер(ебром)*, а достальные по соглашению на сие условие прочих доверительницы моей сонаследниц, с роспискою на сем.

⁵⁶ Об общении Лермонтова с Виоловой и другими тетушками известно лишь, что в 1837 году он продал Елене Петровне свою долю отцовского Кропотова — к радости бабушки, что наконец с ними «развязались» (см. ее письмо к П. А. Крюковой от 15 ноября 1837 года: Лит. наследство. Т. 45—46. Кн. II. С. 651), причем в процессе раздела сам Лермонтов не участвовал, его интересы представлял брат деда — Г. В. Арсеньев (документы и переписку о разделе Кропотова см.: *Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова*. М., 2003. С. 211, 217, 235, 247, 251, 275—276, а также подробную публикацию: *Лукьянов А. А., Алексеев А. Д.* О продаже М. Ю. Лермонтовым имения Кропотова // *Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова*. 2008. № 3. С. 210—226; благодарю Н. Г. Охотина, указавшего мне на последнюю статью). Кроме того, по свидетельству А. М. Меринского, в конце апреля 1841 года по дороге на Кавказ Лермонтов заезжал в Тулу для свидания «со своей родной теткой» (см.: Там же. С. 549—550).

⁵⁷ См., например, записку Лермонтова к Краевскому с просьбой доставить Е. А. Арсеньевой два билета на «Отечественные записки» (см.: *Мануйлов В. А.* Лермонтов и Краевский. С. 376).

⁵⁸ Помимо документов, приведенных в «Летописи...», о разделе Кропотова и хозяйственно-финансовом положении имения см. также: *Вырыпаев П. А.* Лермонтов: Новые материалы к биографии. 2-е изд. Саратов, 1976. С. 124—130.

3. правом продажи вышеозначенных экземпляров Киреев со стороны доверительницы моей должен пользоваться до распродания всего количества экземпляров, а именно: остающихся из Стихотворений в 3-х частях до 1800 экземпляров; оных же Стихотворений 4-я часть в числе 3000 экземпляров; будущая 5-я часть в числе 3000 экземпляров и роман «Герой нашего времени» 1200 экземпляров; но после того наследницы имеют уже право продать оные сочинения кому заблагорассудят или напечатать на свое иждивение; но до распродажи Киреевым ни продать, ни перепечатать не должны; а если бы по обстоятельствам рассудили продать или напечатать ранее распродажи Киреевым всех экземпляров, то не иначе как прежде объявить ему о сем и за остающиеся непроданными экземпляры заплатить Кирееву деньги по цене, которую он получает за каждый экземпляр от книгопродавцев, исключая будущей 5-й части стихотворений. Ежели по распродаже 4-х частей в числе 3000 экземпляров осталось бы пятой части сколько экземпляров не проданными, то нераспродажа их не должна быть препятствием к новому изданию, и остающиеся экземпляры имеют право наследницы получить к себе или истребить оные; о времени же, в которое распроданы будут все экземпляры, обязан Киреев известить Алявдина, или удостовериться ему в кладовой о количестве остающихся экземпляров.

4. Алявдин должен принять законные меры в ограждение прав Киреева и с тем вместе и прав наследниц, дабы воспретить будущие, еще не открытые сочинения покойного Лермантова печатать кому-либо другому и продавать оные.

5. Начатый процесс по просьбе Алявдина на Киреева с подписанием сего условия должен быть прекращен навсегда.

6. По случаю окончания сего спора миролюбиво я, Алявдин, равно и наследница Лермонтова, Виолева, в случае несогласия других сестр (так!) или других имеющих право наследства, обязывается не допускать до Киреева никаких требований и притязаний по сему условию, а ограждать его навсегда под собственною нашею ответственностию от всяких убытков; и наконец

7. Условие сие соблюдать с обеих сторон во всей его силе свято и ненарушимо. Подлинное иметь г. Кирееву, а за его подписом Алявдину точную копию; в чем и подписуемся.

Подлинное подписали: «К сему условию по доверенности коллежской ассесорши, ныне надворной советницы Елены Петровны Виоловой, урожденной Лермонтовой, — надворный советник Григорий Васильев сын Алявдин руку приложил; — к сему условию коллежский советник Александр Дмитриев сын Киреев руку приложил».

1844 года июля 12 дня в С. П. Бурге сие условие с копию при подлинной доверенности, явленной в Тульской палате гражданского суда, 1844 года февраля 9-го по 2-й книге под № 28-м, в нотариальной конторе явлено и в книгу под № 138-м записано; $\frac{1}{2}\%$ 21 руб. 43 коп. сереб(ром) приняты и в книгу под № 897-м записаны. — Подписал: «Публичный нотариус Егор Пигасовский»

у подлинной явки
печать нотариальная

Назначенные сим условием задаточные деньги 850 руб. сер(ебром) получил, подписал: «Надворный советник Григорий Васильев сын Алявдин».

Остальные по сему условию 3.435 руб. 70 коп. серебром получил, подписал «Надворный советник Григорий Васильев Алявдин».⁵⁹

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 3—6.

Удачливый надворный советник Алявдин обогатил тетушек Лермонтова на весьма значительную сумму — 4285 руб. 70 коп. серебром или 15 000 руб. ассигнациями. Почему за все изданные Киреевым книги была назначена именно такая цена — не вполне понятно: может быть, была определена фиксированная цена (3000 руб. ассигнациями) за права на каждую из пяти изданных книг (4 части «Стихотворений» + «Герой нашего времени») или же был произведен расчет некоторой части предполагаемой прибыли, которая при распродаже всего тиража должна была составить сумму примерно равную 30 000 руб. ассигнациями. Для Киреева это была, конечно, масштабная финансовая потеря — с другой стороны, если бы дело дошло до суда и принятые им издания были бы признаны контрафактными, то его издержки (помимо ущерба для репутации) существенно бы превзошли эту выплаченную в пользу теток Лермонтова сумму.⁶⁰

Но после этого «полюбовного соглашения», чтобы только окупить свои затраты на издание, Кирееву нужно было продать не меньше 1000 экземпляров «Героя нашего времени» и четырехчастного собрания стихотворений. Удалось ли это сделать Кирееву и как скоро — неизвестно, но, судя по книгопродавческим каталогам, какая-то часть тиражей оставалась нераспроданной еще в 1850-е годы.

Несомненно одно: разбирательства с родственниками поэта существенно подорвали экономические планы и издательский энтузиазм Киреева и Краевского. Не случайно, видимо, с весны 1844 года «Отечественные записки» на много лет прекратили публикацию каких бы то ни было неизвестных произведений Лермонтова.

3

В то же время Алявдин не ограничился взысканием должных выплат за уже выпущенные издания, но попытался принять — как о том было сказано в 4-м пункте соглашения — «законные меры в ограждение прав Киреева и с тем вместе и прав наследниц, дабы *воспретить будущие, еще не открытые сочинения покойного Лермантова печатать кому либо другому и продавать оные*» (курсив мой. — А. Б.). Продолжая тем самым защищать интересы своих изначальных доверительниц, Алявдин, с другой стороны, действовал и в защиту публикаторских прав Киреева, так дорого тому доставшихся.

Обсуждаемая часть соглашения в полной мере соответствовала высочайше утвержденному положению «О правах сочинителей...», согласно которому «никто не должен нарушать прав сочинителя, переводчика или первого издателя, и без воли его или же его наследников, или же тех лиц, коим сии права переданы законным порядком, перепечатывать его произведения или книги».⁶¹ Как следует из документов, сохранившихся все в том же «Деле о сочинениях покойного поручика Лермонтова», Алявдин первоначально об-

⁶⁰ Согласно Положению «О правах сочинителей...», «взыскание за самовольное издание (контрафакцию) состоит: во-первых, в возвращении от виновного законному издателю всего того убытка, который исчисляется по соображению действительной платы за все изготовление экземпляров самовольного издания, с продажную цену от законного издателя прежде (т. е., при собственном издании того же произведения) объявленную; во-вторых: в отобрании наличных самовольного издания экземпляров, которые и обращаются в пользу законного издателя» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5 (1830). Ч. 1. С. 19—20. № 3411. § 23).

⁶¹ Там же. Т. 5 (1830). Ч. 1. С. 18. № 3411. § 15—16.

ратился к петербургскому обер-полицеймейстеру с тем, чтобы тот «обязал подпискою издателей журналов и книгопродавцев» не печатать неизданных сочинений Лермонтова без ведома его наследниц и «официального» издателя Киреева, однако в Управе благочиния заниматься этим делом отказались, рекомендовав Алявдину адресоваться на этот счет в Петербургский цензурный комитет.

Чиновникам цензурного ведомства, как известно, довольно часто приходилось решать вопросы, связанные с авторским правом или его нарушением — в обязанности цензурных комитетов и Главному управлению цензуры вменялось следить за «точным исполнением правил», описанных в «Положении о правах сочинителей...». Однако разрешать споры между сочинителями или их наследниками и издателями цензурное ведомство уполномочено не было, оставляя это на откуп третейским судам или же судебным инстанциям.⁶² Эта двойственность, содержащаяся в законодательстве, позволяла принимать различные решения в тех случаях, когда кто-либо пытался через комитет обжаловать право на издание, вернее сказать, добиться официального запрещения публикации текстов для третьих лиц.

Законодательство, как можно было видеть из изложенных выше обстоятельств тяжбы издателей с тетушками Лермонтова, было на стороне наследников. Не редкостью были и подобные случаи официальных запрещений печатать тексты без их разрешения: так, в частности, обстояло дело с произведениями Пушкина после его смерти — любое их появление в печати должно было согласовываться с Опекой, а вокруг нескольких самовольных публикаций сразу же возникали серьезные разбирательства.⁶³

На этом фоне тем показательнее судьба прошения Алявдина и реакция чиновников цензурного ведомства самого разного уровня на его законные притязания.

7 ноября 1844 года Алявдин открыл новый этап разбирательства вокруг наследия Лермонтова, направив в Петербургский цензурный комитет следующий запрос:

По смерти поручика Лермонтова изданные и неизданные еще (в манускриптах) сочинения его по закону принадлежат единственным наследницам его: надворной советнице Виолевой, урожденной Лермонтовой, и девицам

⁶² См. § 32—33 Положения «О правах сочинителей...»: «Комитеты внутренней цензуры и Главное управление оной наблюдают (...) за точным исполнением правил, в сем Положении поставленных. — Все споры (...) на собственность книги или иного произведения наук и словесности, решаются третейским судом; а в случае несогласия на оное спорящих, обыкновенными присутственными местами...» (Там же. С. 20).

⁶³ См., например, реакцию Опеки на появление в 5-м номере «Библиотеки для чтения» за 1837 год стихотворения «Признание» — публикацию объявлений о том, что все сочинения Пушкина «находятся под распоряжением Опеки» (протокол заседания Опеки от 26 мая 1837 года; см.: Архив опеки Пушкина. С. 369), объяснения, который был вынужден давать Опеке П. А. Плетнев, напечатавший ряд «неизвестных еще публике» текстов Пушкина в «Современнике» 1838 года (Там же. С. 216, 218, 222—223, 229—233, 235—236), и резолюцию Г. А. Строганова: «так как сочинения покойного Александра Сергеевича Пушкина составляют неотъемлемую собственность детей его и (...) не могут быть безвозмездно отчуждаемы от малолетних (...) своевольное со стороны Опеки предоставление сочинений тех в пользу журналов без всякого вознаграждения подвергло бы законной ответственности опекунство (...) Опека считает обязанностью просить Вас прекратить впредь в журнале Современник печатание сочинений) А. С. Пушкина, без особого и всякой раз испрашиваемого на то согласия ее» (Там же. С. 229). См. также поданную в Опеку просьбу издателей «Невского альбома» о разрешении напечатать послание к Филимонову «при получении поэмы его: Дурацкий колпак», доставленное адресатом (Там же. С. 240—241, 391—392), прошение Смирдина о разрешении напечатать «Каменного гостя» и «одну главу из неоконченного романа» («Гости съезжались на дачу...») и «приходный документ», фиксирующий получение от Смирдина части платы за право публикации (Там же. С. 390, 255; эта публикация обошлась Смирдину в 4000 руб. ассигнациями).

Александр и Наталье Лермонтовым, которые доверенностями уполномочили меня ограждать их собственность по изданию тех сочинений. Согласно сему уполномочию заключен мною с г. управляющим Конторою театров, коллежским советником Александром Дмитриевичем Киреевым 12 минувшего июля акт, явленный в нотариальной конторе, по которому предоставлено ему исключительно право издавать сочинения Лермонтова в назначенном числе экземпляров; и о воспрещении другим издавать оные без согласия наследниц Лермонтова, равно обязать в том подпискою издателей журналов и книгопродавцев, я, с приложением копии с означенного акта, хотя просил г. здешнего обер-полицеймейстера, но 2 деп(артамент) Управы благочиния, как частным образом я узнал, сделал распоряжение о объявлении мне, чтобы я о том сам обратился в цензурный комитет.

Между тем я известился, что некоторые сочинения Лермонтова, даже неизданные еще, изготовлены к напечатанию в альманахах и других журналах;⁶⁴ по чему такое издание находя противным Цензурному уставу и влекущим в убытки, я, с приложением доверенности наследниц Лермонтова, обязанности считаю покорнейше просить цензурный комитет, в ограждение от убытков, не позволять никому печатать и издавать сочинения Лермонтова ни в С. Петербурге, ни в других местах, кроме г. Киреева, и представляемые кем бы то ни было в цензуру сочинения Лермонтова, еще не изданные, по одобрении не возвращая предъявившим, передавать г. Кирееву для издания как собственность наследниц Лермонтова, оказавшихся (так!) в чужих руках; г. Киреев имеет подлинный акт на право издания сочинений Лермонтова; — доверенность же мне возвратить, и о рассмотрении меня известить.⁶⁵

Получив прошение Алявдина, председатель цензурного комитета князь Г. П. Волконский заблаговременно поручил представить развернутое мнение на этот счет цензору и экстраординарному профессору Никитенко, которое и было заслушано, вместе с прошением Алявдина, на заседании цензурного комитета 15 ноября 1844 года.⁶⁶

...г. цензор экстраординарный профессор Никитенко, имевший поручение от его светлости г-на председателя комитета представить свои соображения по сему предмету, донес, что, по его мнению, цензурный комитет, не имея в виду постановления относительно передачи права собственности на неизданные еще литературные произведения, не может постановить никаких решения и по случаю вышепрописанной просьбы. Он полагает однако же, что юридически едва ли может быть признано чье-либо право на сочинения умершего автора, находящиеся в посторонних руках, если только не будет доказано законным порядком, что эти сочинения похищены или у по-

⁶⁴ Речь, по всей видимости, идет о готовившихся публикациях в «Библиотеке для чтения» и сборнике «Вчера и сегодня». Отметим, что весной—летом 1844 года ряд неизвестных лермонтовских текстов был также опубликован в альманахе «Молодик» (СПб., 1844. С. 8—10) и «Библиотеке для чтения» (Т. 64. № 5. С. 5—8; № 6. С. 129—132).

⁶⁵ Цит. по копии из «дела о сочинениях покойного поручика Лермонтова»: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 27—28. По получении прошения Алявдина в Петербургском цензурном комитете было открыто особое дело, затем озаглавленное «Об отказе цензурных органов решать спорный вопрос о праве литературной собственности на сочинения М. Ю. Лермонтова» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1781). Прошение Алявдина также зафиксировано в журнале заседаний комитета: Там же. Оп. 27. № 37. Л. 128—129. Копия с него была переслана и в Главное управление цензуры: Там же. Ф. 772. Оп. 1. № 1762. Л. 3—4.

⁶⁶ См. запись в журнале заседаний Петербургского цензурного комитета, содержащем полное изложение прошения Алявдина (см. выше) и ответ Никитенко (см. далее): РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 37. Л. 128—130 об.

койного, или у его наследников. Чтобы приобрести это право, надобно прежде доказать, что оно не принадлежит тому, в чьих руках находятся сочинения умершего писателя. А как доказать это? они могли быть подарены последним владеющему ими ныне, написаны к нему в виде послания, в альбом, составлять часть продолжительной с ним переписки и т. п., могли, наконец, просто составлять его литературное открытие, что и должно вмениться ему еще в особенную заслугу перед ученою и просвещенною публикою. Наследники могут передать кому-либо право собственности только на то, что им действительно принадлежит, т. е. на те оставшиеся после их родственника сочинения, которые находятся у них в руках, которые можно определить наименованием, содержанием и объемом, а не на те, которых существование никому неизвестно, — в противном случае договор не будет иметь предмета, он будет юридически не возможен, ничто. Если бы они могли законным образом требовать у всякого, чтобы он передал им, как собственность их, идеи умершего, начертанные на лоскуте бумаги, то почему не позволить им также требовать какого-нибудь вознаграждения и за сказанные им кому-либо слова, потому что слова могут заключать в себе важное открытие, идею, способную обогатить не только частное лицо, но целую страну? Но могут возразить на сие: наследники могут требовать, чтобы никто не обнародовал сочинений их родственника, которыми владеет, — почему же? разве это отнимает у них собственность того, чем они уже пользуются, издают. Обнародование новых мыслей писателя, особенно знаменитого, есть общественная услуга, и тот, кто это делает, заслуживает благодарности всех и каждого за то, что он не зарывает таланта в землю, хотя и чужого. Ибо талант есть дар Божий, который ниспосылается для блага всех, как свет солнечный, как теплота, как благорастворенность воздуха. Воспретить обнародование его творческих мыслей, под предлогом имеющего быть нарушения чьей-то собственности, значило бы отнимать собственность у целой нации: они могут вовсе утратиться, не быв переданы свету посредством печатания. И, наконец, безусловное право пользования для своей выгоды или удовольствия каким-либо предметом, право, простирающееся даже до возможности его уничтожить, т. е. сжечь оспариваемое сочинение, не есть ли в то же время и право сообщить предмет этот другим, если только нет к тому препятствий со стороны государственных учреждений, как, например, в отношении к произведениям литературы со стороны постановлений цензурных.

Комитет, согласясь с вышеизложенным мнением г. цензора Никитенки, имеет честь представить сии соображения, вместе с просьбою г. Алявдина, на благоусмотрение и разрешение Главного управления цензуры.⁶⁷

Ответ Никитенко демонстрирует вполне неожиданную позицию цензурной институции, которая в данном случае выступила не на стороне автора-правообладателя литературной собственности, не на стороне формального закона, но — в сущности — на стороне читателей, чьи интересы, в глазах Никитенко, стоят выше «нарушения чьей-либо собственности». Пользуясь недостаточной подробностью формулировок цензурного устава и «Положения о правах сочинителей...», Никитенко пытался продемонстрировать, что «юридически едва ли может быть признано чье-либо право на сочинения

⁶⁷ Цит. по: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1762. Л. 1 об.—2 об.; см. также: Там же. Оп. 27. № 37. Л. 129—130 об.; изложение доводов Никитенко, пересланное в Главное управление цензуры: Там же. Ф. 777. Оп. 1. № 1781. Л. 3—4. Машинописная копия с дела из фонда Главного управления цензуры: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 118. Л. 3—5. Фрагменты ответа Никитенко процитированы в статье: Тимофеева Л. А. Глазунов, Никитенко и наследственное право на издание сочинений Лермонтова. С. 271—272.

умершего автора, находящиеся в посторонних руках, если только не будет доказано законным порядком, что эти сочинения похищены или у покойного, или у его наследников». По мнению Никитенко, собственностью наследников можно признавать лишь то, что физически находится в их руках, что «можно определить наименованием, содержанием и объемом», а если распространять понятие собственности на неизвестные и даже не найденные еще сочинения, то тогда — по мысли Никитенко — можно легко дойти и до совершеннейшего абсурда и позволить правообладателям «требовать какого-нибудь вознаграждения и за сказанные им кому-либо слова, потому что слова могут заключать в себе важное открытие, идею, способную обогатить не только частное лицо, но целую страну». Публикация новых, неизвестных сочинений автора не мешает наследникам пользоваться тем, чем они уже владеют, что уже издадут, но небрежение общественной пользой, приоритет права собственности, распространенный и на литературу, может привести и к уничтожению «оспариваемых сочинений» — т. е. безусловному урону для спорящих сторон, покойного автора и культуры в целом. Таким образом, заключал Никитенко, не наследники должны решать судьбу неопубликованных произведений и делать ее предметом торга, но цензура, основной институциональной функцией которой и является оценка возможности или невозможности появления того или иного произведения в печати, а не решение споров о праве собственности на ту или иную рукопись.

Ответ Никитенко, выделяющийся своими красноречивыми формулировками на фоне довольно скупой манеры изложения в цензурных протоколах, примечателен во многих отношениях — и прежде всего системой аргументации. В отличие от Алявдина, опиравшегося на юридическую норму, Никитенко апеллирует к ценностным, эстетическим, этическим категориям, чтобы обосновать решение по собственно правовому вопросу.

Вообще, Алявдин требовал не вовсе невозможного — теми же принципами, которые он излагал в своем прошении, руководствовалась Опека, учрежденная после смерти Пушкина: через газетные объявления и цензурные комитеты журналистам и издателям объявлялось, что любые публикации произведений Пушкина могли осуществляться только с ведома Опеки.⁶⁸ При этом согласование с Опекой требовалось и в тех случаях, когда речь шла и о неизвестных опекунству сочинениях Пушкина — в отличие от того, что говорил Никитенко о нераспространении права собственности на сочинения, находящиеся во владении третьих лиц. Публикаторский приоритет Киреева был так же с формальной точки зрения неоспорим, как и права Опеки, — и это прямо следовало из всех пунктов «Положения о правах сочинителей...».

Никитенко, можно думать, знал это законодательство не хуже Алявдина, — и, может быть, поэтому в своем ответе предпочел оперировать аргументами другого рода. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что в таком его ответе сказались другие ипостаси знаменитого цензора — лично знакомого с покойным Лермонтовым и ценившего его талант. Алявдину отвечал не только Никитенко-цензор, но и Никитенко-критик, которому принадлежала сочувственная статья о «Стихотворениях Лермонтова» 1840 года в «Сыне Отечества», и Никитенко — профессор русской словесности.

Кроме того, немаловажным, вероятно, было и то обстоятельство, что именно Никитенко последовательно цензурировал все поэтические книги Лермонтова — и «Стихотворения» 1840 года, и четыре части посмертного издания. Строго говоря, он вообще не должен был позволять Кирееву и Краев-

⁶⁸ См.: Архив опеки Пушкина. С. 369.

скому печатать «Стихотворения» 1842—1844 годов без предъявления ими соглашения с автором и наследниками, — опротестовывая претензии Алявдина и подчеркивая, что публикация неизданных стихов есть заслуга перед литературой, Никитенко, быть может, косвенно оправдывал свое некоторое небрежение цензурным порядком при подготовке посмертного издания Лермонтова.⁶⁹

При всей юридической шаткости аргументации позиция Никитенко была поддержана Петербургским цензурным комитетом, который, впрочем, за благо рассудил передать окончательное решение в Главное управление цензуры. 30 ноября 1844 года в ведомство министра народного просвещения С. С. Уварова поступило соответствующее донесение, содержащее как прошение Алявдина, так и ответ Никитенко и резолюцию цензурного комитета.⁷⁰ Но не успело Главное управление цензуры приняться за рассмотрение дела, как Алявдин, каким-то образом узнав о содержании ответа Никитенко и о предварительном решении, принятом в комитете, обратился напрямую к Уварову, от которого теперь зависело окончательное решение затеянного Алявдиным дела.

10 декабря в канцелярию министра народного просвещения было подано его обстоятельное прошение, зарегистрированное в журнале входящих бумаг 12 декабря 1844 года:

По смерти поручика Лермонтова сочинения его, изданные уже и неизданные еще (в рукописях), по закону принадлежат единственным наследникам его, надворной советнице Елене Виоловой, урожденной Лермонтовой, и девицам Александре и Наталье Лермонтовым, которым, в удостоверение ближайшего родства и прав наследства от покойного автора Лермонтова, предводителем дворянства выдано свидетельство. Наследницы, известясь о намерениях некоторых лиц издавать сочинения Лермонтова без всякого на то дозволения, законными доверенностями уполномочили меня, по родству моему с ними, оградить право их собственности по сочинениям его; почему я, с приложением доверенности, просил С. Петербургский ценсурный комитет не допускать никому как в С. Петербурге, так и в других местах ни перепечатывать сочинения Лермонтова, ни издавать находящиеся у других в рукописях, а по предъявлении последних в ценсурный комитет, т. е. еще не изданных, не возвращая представившим, передавать их для издания лицу, имеющему на то право по составленному от наследниц Лермонтова Акту. Но по рассуждению С. Петербургского ценсурного комитета представилась новая мысль, что если запретить издание находящихся в чужих руках сочинений Лермонтова, еще нигде не напечатанных, то сочинения сии могут подвергнуться уничтожению, а тогда и литература потеряет, и публика не будет иметь удовольствие читать их, и это обстоятельство представил на рассмотрение Главному цензурному комитету.

Соображая мысль сию с постановлениями, изъясненными в томе XIV Св(ода) зак(онов) Уст(ава) цензур(ного) прил(ожении) к ст(атье) 147 главы VI, я нахожу, что на основании ст(атьи) 257 каждый сочинитель имеет исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданием сво-

⁶⁹ Таким образом, на этом примере очень хорошо видно, насколько сложно структурированной была система цензурного чтения, насколько зависимой от внецензурной профессии и личных связей конкретного цензора.

⁷⁰ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1781. Л. 1—4; в Главном управлении цензуры, соответственно, было заведено новое дело — «Об отказе от рассмотрения ходатайства проверенного наследниц М. Ю. Лермонтова Г. В. Алявдина об охранении их прав на литературное наследство поэта» (Там же. Ф. 772. Оп. 1. № 1762); в ИРЛИ хранится машинописная копия с последнего, сделанная для Н. В. Здобнова: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 118. Л. 2—7.

их сочинений и *продажею их*; а в случае смерти сочинителя исключительное право сие по ст⟨атье⟩ 258 переходит к наследникам; к прочим же не иначе как по *Акту*, ибо приобретателем сего права, согласно 259 ст⟨атье⟩, почитается только имеющий *условие*; далее в ст⟨атье⟩ 261 того же Устава и ст⟨атье⟩ 4.058 том⟨а⟩ X Св⟨ода⟩ Зак⟨онов⟩ Гражд⟨анских⟩ определительно и ясно сказано, что сочинения рукописные и напечатанные, никому сочинителем не переданные, не завещанные и никаким иным образом не уступленные, — никто не может без согласия его, а по смерти — без согласия наследников, продать, следовательно, и издавать, даже те, коим сочинитель завещал или иным образом, разумея законным порядком, уступил все или некоторые только произведения свои, по ст⟨атье⟩ 265 обязаны объявить о сем и представить *надлежащие доказательства* в течении первого года по смерти сочинителя, и тогда только вступают во все права. После столь ясных и определительных законов сочинения Лермонтова, в чьих бы руках ни находились, по объявлении их, составляют неотъемлемую собственность наследниц его, и к запрещению издавать оные не только не представляется затруднений, но должно постановить это запрещение; в противном случае, если допустить издание сочинений рукописных без согласия наследниц его и вознаграждения их за то, значит дать право владеть чужою собственностью произвольно, тем более что рукописные сочинения по статье 266 никому без права не дозволено издавать и печатать; даже в журналах и альманахе могут только *перепечатать*, а не издавать появляющиеся в первый раз, и притом *отдельною книгою*, как хотят поступить с сочинениями Лермонтова. Если бы посторонние вздумали даже издавать их под чужим именем или без означения имени автора, то и в таком случае легко открыть: стоит только двум или трем авторам прочитать такие сочинения, и они удостоверят, что сочинения эти — Лермонтова. Впрочем, я и не могу думать, чтобы тот, который имеет у себя рукописные сочинения Лермонтова (не вхожу в разбор, каким образом они попались в посторонние руки, знаю только, что их много), уничтожил их потому только, что ему запрещается издавать; никак не могу допустить столь неблагоприятного поступка; напротив, я убежден, что те, которые имеют у себя рукописные сочинения Лермонтова, хотели и желают издавать *не для выгод своих*, а подарить их публике и литературе; а потому, когда узнают, что сами не имеют права на издание, охотно передадут сочинения Лермонтова для издания имеющему законное на то право. — Во всяком случае я имел основание просить ценсурный комитет, чтобы он представленные рукописные сочинения его не возвращая, передавал по принадлежности, для напечатания в пользу наследниц.

Почему и осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство обратить милостивое внимание на изложенные мною причины и сделать распоряжение как о повсеместном запрещении печатать изданные уже сочинения Лермонтова без законного на то права, так и находящиеся еще в рукописях, доселе неизданные, с тем, чтобы последние в какую бы цензуру ни были предъявлены, препровождались в С. Петербургский ценсурный комитет для передачи по принадлежности; о распоряжении же по сему приказать объявить мне.⁷¹

Несмотря на все старания Алявдина и усиление юридической аргументации, основанной на соответствующих главах Цензурного устава, Уваров предпочел согласиться с мнением Петербургского цензурного комитета и цензора Никитенко, апеллируя ко все тому же «Положению о правах сочи-

⁷¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1762. Л. 5—6 об.; рукописная копия, с некоторыми отличиями в тексте, в «Деле о сочинениях... Лермонтова»: ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 52. Л. 29—32.

нителей...», которое оставляло цензурным институциям удобную формальную лазейку: «все споры (...) на собственность книги (...) решаются третьей-ским судом; а в случае несогласия на оное спорящих, обыкновенными присутственными местами» (см. выше). Именно такое решение — «предоставить наследникам Лермонтова», ежели они хотят, «ведаться судом в тех судебных местах, где законом предписано» — и было сообщено 13 января 1845 года Главным управлением цензуры в Петербургский цензурный комитет:

Вследствие представления Вашей Светлости от 30 ноября 1844 года за № 210-м по прошению уполномоченного от наследниц покойного *Лермонтова* надворного советника *Алявдина* в рассуждении прав наследниц на сочинения сего автора Главное управление цензуры, не считая себя обязанным входить в рассмотрение споров о литературной собственности и имея в виду, что по § 139 Устава о цензуре и по ст(атье) 33 Высочайше утвержденного 8-го генваря 1830-го года мнения Государственного совета о правах сочинителей, переводчиков и издателей, все споры о праве собственности на произведения наук и словесности решаются третьей-ским судом, в случае несогласия на то спорящих, обыкновенными присутственными местами, — предоставило наследникам Лермонтова ведаться судом в тех судебных местах, где законом предписано.

О сем покорнейше прошу Вашу Светлость предложить С. Петербургскому цензурному комитету.

Министр народного просвещения Уваров.⁷²

16 января 1845 года означенное решение министра было заслушано на заседании Петербургского цензурного комитета, определившего «уведомить о таковом решении Глав(ного) управления цензуры г-на надвор(ного) сов(етника) Алявдина»,⁷³ официальный ответ которому был послан 6-го февраля 1845 года.⁷⁴ По всей вероятности, решение министра народного просвещения Алявдин опротестовывать уже не решился, тем более, что формально условия соглашения он и так выполнил, приняв недюжинные меры «в ограждение прав Киреева, и с тем вместе и прав наследниц», — а большее едва ли было в его власти.

Таким образом, в результате всего этого разбирательства по-настоящему потерпел убытки только чрезмерно предприимчивый Киреев, в самом прямом смысле поплатившийся за свою забывчивость или самонадеянность и так и не сумевший приобрести, в сущности, столь желанную им и Краевским монополию на публикацию сочинений Лермонтова. Парадоксально, что в данном случае «антимонопольным агентом» оказалось цензурное ведомство в лице Петербургского цензурного комитета, Главного управления цензуры и лично цензора Никитенко, выступившее как бы на стороне читателей и самого поэта, открыто позволив печатать новонайденные сочинения Лермонтова, появление которых не заставило себя долго ждать. Так, в 1845 году к читателям пришли еще «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову», напечатанные в «Библиотеке для чтения» (среди которых, например, «Волны и люди» и «Нет, я не Байрон, я другой...»), а также ряд текстов, в том числе прозаических, появившихся в 1845—1846 годах на страницах сборника «Вчера и сегодня».

⁷² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1762. Л. 7—7 об., 9—9 об.; Там же. Ф. 777. Оп. 1. № 1781. Л. 5, 9—9 об.

⁷³ Там же. Ф. 777. Оп. 1. № 1781. Л. 6; Там же. Оп. 27. № 38. Л. 6 об.—7.

⁷⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1781. Л. 7.